

1. Zorell F. Grammatik zur altgeorgischen Bibelübersetzung mit Textproben und Wörterverzeichnis. Roma, 1930.
2. Marr N., Brière M. La langue géorgienne. Paris, 1931.
3. Zwolaneck R., Assfaig J. Altgeorgische Kurzgrammatik. Gottingen, 1976.
4. Шанидзе А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
5. Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

М. М. Гухман. Историческая типология и проблема диахронических констант. — М.: Наука, 1981. 249 с.

Рецензируемая книга М. М. Гухман является обобщением многолетних исследований, наблюдений и теоретических выводов автора. Располагая обширным материалом по истории германских языков (и шире — индоевропейских, поскольку в книге привлекаются данные индоиранских языков, а также греческого и хеттского), М. М. Гухман сопоставляет их с тюркскими и финно-угорскими фактами. Широкому языковому фонду соответствует и объем привлекаемых языковедческих штудий: автор охватывает множество работ, относящихся к теме исследования, делая это с большой тщательностью и непредвзятостью. Все это должно способствовать тому, чтобы рецензируемая книга послужила стимулом для широкого обсуждения механизма структурной эволюции языков и статуса лингвистической дисциплины, его изучающей. Эта дисциплина, учитывая данные типологии синхронного описания языков (методы определения сходства языковых структур и теория универсалий, с одной стороны, и развитие сравнительно-исторического языкознания, — с другой), стремится ответить на вопросы о причинах языковой эволюции. Историческая типология явится как бы мостом между данными синхронной типологии и сравнительно-исторического языкознания.

В своей работе М. М. Гухман обсуждает как проблематику формальной, так и контентивной типологии языков; каждой из них посвящается отдельная глава книги.

Суть исторической типологии и круг ее интересов рассматриваются во Введении и первой главе. Двумя полюсами, от которых автор отталкивается, являются, во-первых, диахронические универсалии, т. е. общезыковые изменения, во-вторых, частноязыковые процессы, не имеющие общесистемного характера и активные лишь в период замкнутого хронологически отрезка. М. М. Гухман предлагает к обсуждению такое понимание исторической типологии, согласно которому существенны эволюционные процессы, охватывающие «сучок взаимосвязанных координат» (с. 16). Процессы эти однонаправленны и узуальны. Естественно, что изучение их должно проводиться в тер-

6. Шанидзе А. Г. Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразования глаголов на примерах грузинского языка (предварительное сообщение). — Известия Ин-та языка, истории и мат. культуры АН Груз ССР. Т. X. Тбилиси, 1941.
7. Шанидзе А. Г. Грамматические заметки. — ВЯ, 1984, № 2.
8. Мачавариани Г. И. Некоторые вопросы грамматической концепции А. Шанидзе с точки зрения структурной лингвистики. — В кн.: «Орион. Акакию Шанидзе». Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

минах соответствующих единиц, которые и являются предметом исторической типологии как самостоятельной дисциплины. Подобными единицами, в концепции М. М. Гухман, оказываются диахронические константы. Это понятие проходит через всю книгу, однако цель автора — не перечислить константы развития, например, для германских языков, но представить на обсуждение читателя теорию диахронических констант.

Понятие диахронической константы является далеко не простым, и автор приводит к нему читателя и теоретически, и иллюстративно. Не повторяя формулировок М. М. Гухман (с. 34 и сл.), можно сказать, что диахронические константы — это процессы, типичные для ряда языков (родственных и неродственных), однонаправленные, постепенно развертывающиеся, содержательно интерпретируемые, но — самое главное — допускающие варианты и модификации по языкам: как конкретно-количественные, т. е. определяющие идиозыковую систему, так и количественно-темповые, т. е. реализуемые с разной скоростью. Таким образом, «в отличие от диахронических универсалий диахронические константы моделируют не только инвариантное общее содержание однонаправленных процессов, но и реальные модификации их осуществления в конкретных языках, раскрывая сложное соотношение общего и индивидуального в развитии языков мира» (с. 56).

Будучи по своей сути теоретической, монография М. М. Гухман отличается очень большой сдержанностью в отношении к интерпретации процессов, выходящих за рамки обсуждаемой концепции. Но это не означает ухода от сложнейших проблем еще не сложившейся дисциплины, проблем как языковых, так и лингвистических. Например, какова роль внешнего фактора при реализации диахронической константы и насколько его следует принимать во внимание? Где можно провести границу реализации диахронической константы внутри вертикального среза языковой системы? В решении первого из этих вопросов, как представляется, можно различать три аспекта. 1) Внешним фактором можно

считать самого человека, говорящего, в его ментальной эволюции. Перекликающиеся идеи находим и в работах отечественных лингвистов 30-х — 40-х годов. Ср. у И. И. Мещанинова: «Содержание насыщает все элементы речи. Таким путем передаются в языке различные понятия. Они выступают в семантике слов, в смысловом содержании предложения и в разнообразных видах грамматических построений. Случайное возникновение последних, конечно, отпадает. Они выполняют определенный социальный заказ и потому осмысленны во всех своих слагаемых частях» [1, с. 322]. Роль духовной эволюции человека, его растущей способности к обобщению и дифференциации явлений действительности, мена «картины мира» освещается в книге при описании функций медиума, перфекта, форм на *-hi*, возникновения пассива, соотношения эргативных и номинативных конструкций.

2) Внешний фактор — это и история носителей данного языка. Так, в группе германских языков в рамках одной диахронической константы выявляется интенсивность преобразований английского языка и особое положение исторически изолированного исландского (с. 78—84), в пределах группы иранских языков известным аналогом могут служить данные эволюции пушту и персидского (с. 90, 3). Третьим внешним фактором можно считать соседство с языковой группой, не включенной в данную систему диахронических констант. Влияние такого соседства М. М. Гухман видит в особом развитии скандинавских языков: слияние опорного слова с постпозитивными служебными словами и энклитиками, образование так называемых возвратных глаголов, объединяющих скандинавские языковые факты со славянскими и балтийскими (с. 78). Анализируя далее и данные финно-угорских языков, М. М. Гухман склоняется к мнению о «существовании на севере Европы языкового союза, в состав которого входили некоторые индоевропейские и финно-угорские языки» (с. 127). Гипотеза эта перекликается с наблюдениями А. А. Зализняка о русском языке новгородских берестяных грамот, в свете которых меняется традиционное представление о славянских диалектных изоглоссах и выделяется особая северная зона контакта, соотносящаяся и с финно-угорскими языками [2, 3].

В пределах фактов внутренней структуры языка М. М. Гухман также намечает определенные границы анализа. Так, звуковая оболочка слова становится как бы исходной границей, за пределами которой начинается собственно исследование. Автор отмечает (с. 72), что движущим началом в древней системе словоизменения и германских, и иранских языков является отсутствие изоморфизма между формой и содержанием, лабильность лексических основ, дробность глагольных парадигм. Это создавало структурную неустойчивость. Слабый участок словоизменительной системы обусловил ее изменчивость; в тюркских же языках эти позиции были стабильными.

Центром внимания М. М. Гухман является грамматика и ее эволюция. Автор

прослеживает пути преобразования словоизменительной парадигмы в индоевропейских, финно-угорских и тюркских языках (глава II). Особенно детально анализируется судьба словоизменения в германских языках по данным 15 столетий. Реализация диахронических констант состояла в установке на регулярную обобщенную парадигму (в отличие от первоначальной дробности), в переразложении и опрощении трехморфемной структуры, в тенденции к ликвидации вокалических альтернатив и т. д. Однако степень воплощения в отдельных языках была разной. Так, древнее многообразие комбинаторных изменений было отмечено и в древнеисландском, и в древнеанглийском языках, но их последующее развитие привело к противоположным результатам. Автор подробно рассматривает неоднородность реализации диахронических констант на примере общей инновации: становления новой содержательной оппозиции «определенность/неопределенность» и оформления категории артикля. Словоизменительная парадигма глагола в германских языках также демонстрирует стремление к унификации структуры основ и утрате былого многообразия. Сопоставление германских фактов с иранскими раскрывает общность в развитии именной парадигматики: снятие вокалических чередований, обобщение классов склонения, переразложение и опрощение трехморфемной структуры. И здесь необходимо подчеркнуть концептуальную специфику исторической типологии как дисциплины: важно раскрыть именно типологию эволюционных процессов, не отстраняясь при этом от доказанных фактов языкового родства. Так, например, в иранских языках формирование артикля шло совершенно иными путями, чем в германских, поскольку категория определенности/неопределенности могла реализоваться при помощи иных средств. В той или иной степени новогерманские языки, даже не соседствовавшие с агглютинативными языками, обнаруживают развитие словоформ агглютинативного типа. Вообще инновации агглютинативного характера прослеживаются в разных подгруппах индоевропейской семьи. М. М. Гухман в этой связи ссылается на предположение о существовании на периферии зоны индоевропейского словоизменительного архетипа моделей агглютинативного характера: «гипотеза Ф. Боппа вновь привлекается к рассмотрению» (с. 95). Иначе говоря, идея циклической мены: «фузия — агглютинация — фузия» и т. д. может оказаться более общей при изучении всех феноменов языковой коммуникации.

Идея запрограммированности изменений, демонстрируемая М. М. Гухман на примере иранской глагольной системы, входит в качестве одного из основных компонентов в излагаемую теорию диахронической типологии и диахронических констант: лингвист может выявить «в свернутом виде прообраз будущих преобразований» — автор обсуждает справедливость положения о том, что «предпосылки тех или иных типологических преобразований заложены в свернутом

виде еще в отношениях и связях предшествовавшего состояния» (с. 11).

Подобные процессы были чужды тюркским языкам, поскольку изоморфизм формальной и содержательной стороны морфологических показателей был им присущ с древнейшей поры. Таким образом, этот тезис влечет за собой поставленную глобальную проблему: соотношение языковой эволюции и стабильности формального типа, к которому тяготеет данный язык (или языковая семья). Этим проблемам посвящена третья глава, где автор обращается к морфологическому типу языка, широко обсуждавшемуся в науке XIX в. и парадоксальным образом исчезнувшему в некоторых направлениях синхронной типологии. Обращение к морфологическому типу есть, естественно, и обращение к слову, словоформе, в которой и отражается или как бы фокусируется тип данного языка¹.

Определяя основные различия агглютинативного и флективного типов языков, М. М. Гухман показывает принципиальную гетерогенность индоевропейских языков на более раннем этапе (продуктивность агглютинативных словоформ в глагольных парадигмах хеттского), но также, например, и в самых последних инновациях английского языка, которые можно характеризовать как аналитико-агглютинативные. Однако односторонность диахронических констант подобного типа тормозится, с одной стороны, типологическими особенностями отдельных языков, с другой, нетождественностью реализации преобразований в развитии глагольной и именной парадигматики (с. 148). Поскольку «набор» формально-структурных типов ограничен, а следовательно, ограничены и возможности их трансформации, не удивительно поэтому, что в истории разных языков наблюдаются аналогичные преобразования» (с. 150). Однако сосуществование в языке и других тенденций, помимо доминантных, дает возможность усиления и периферийных образцов другой формальной структуры.

Центральной по значимости для автора является четвертая глава книги «Контекстная типология и проблема диахронических констант» (эта глава и самая большая по объему), где ставится проблема развития индоевропейских языков, их типологических преобразований в применении к положениям контекстной типологии: от первичного отражения и моделирования внеязыковой действительности максимально иконическими средствами (см. об этом в связи с так называемым «прагматическим кодом» в [5])

¹ В связи с возрождением интереса к типологии слова хотелось бы обратить внимание на фундаментальное типологическое исследование Л. Г. Зубковой [4] о сегментно-фонетической организации слова, где автор не только описывает звуковую организацию слова в языках разных типов, связывая ее с морфологией (шире — с грамматикой) слова, но и показывает пути прогнозирования такого описания² и тем самым эволюционного движения языковых моделей.

до грамматикализации парадигматических изменений в столь же максимально выраженной форме. С уже указанной сдержанностью, высказывая гипотезы о внеязыковой обусловленности языковой эволюции, М. М. Гухман показывает на конкретном материале общую схему соотношения эволюции индоевропейских языков, которую она связывает с «контекстной типологией». В синхронно-языковом аспекте подобная схема была сначала дана С. Д. Кацнельсоном [6], а потом в несколько модифицированном виде развита в историческом плане Г. А. Климовым. К проблемам этой же главы относятся и многие идеи, высказывавшиеся И. И. Мещаниновым о соотношении эргативного и номинативного строя языка.

Если перевести механизм всех приводимых в этой главе и подробно разбираемых эволюционных процессов на язык обобщенной и потому неизбежно упрощенной теории, то результирующую картину можно описать следующим образом. Вначале основными в исследуемом материале были реализации оппозиций центробежности/нецентробежности процесса и одушевленности/неодушевленности актанта. Таким образом, центральным по коммуникативной важности становится представленный позднее реликтами тип высказывания: $S_{\text{одуш}} + V$ с семантикой вовлеченности на субъект и замкнутости на нем. Естественно, что подобные высказывания могут включать глагол с семантикой эмоционально-психического состояния или статального результата. Такое значение входит в греческие медиальные глаголы, в меньшей степени — глаголы древнеиндийского и хеттского (в книге приводятся подробные списки таких глаголов). Медиальность есть как бы замкнутость на субъекте³. Сема статальности (результативности) воплощается в перфекте, семантика которого тем самым соотносится с презенсом. К этой же системе примыкает серия глаголов на *-hi* в хеттском (см. об этом подробно в книге Вяч. Вс. Иванова [7], где указывается также на связь притяжательных компонентов с глагольной основой в индоевропейском для раннего периода [7, с. 70 и др.]; см. также работы И. И. Мещанинова)³. С этой же линией замкнутости на субъекте автор сопоставляет два языковых феномена, уже давно ею исследовавшиеся: конструкции с дат./вин. лица (*Мне нравятся розы*) и слова категории состоя-

² О том, насколько медиальная конструкция обращена на субъект и тем самым связана и с посессивностью, можно судить по примеру Э. Бенвениста [8]: $\lambda\upsilon\sigma\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\iota\pi\omicron\iota$ «он отвязывает лошадь» и $\lambda\upsilon\sigma\alpha\tau\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\iota\pi\omicron\iota$ «он отвязывает лошадь» (затрагивая этим себя, т. е. лошадь принадлежит ему) [8, с. 189].

³ Временное совпадение работ, описываемых в [5], в книге М. М. Гухман и в монографии Вяч. Вс. Иванова [7], видимо, неслучайно: в них затрагиваются единые проблемы. Все это говорит об актуальности и необходимости построения исторической типологии и решения ее задач.

ния вплоть до русских диалектных бесподлежащих конструкций с пассивом типа *У Маши тельняшка зарезана* (на исключительно важную именно этих русских конструкций для построения исторической типологии указывает А. Тимберлейк [5]). Итак, в самом архаичном пласте выделяются состояния центробежные или нецентробежные. Им, точнее, актант, играет в высказывании как бы меньшую роль. Позднее сквозной категорией высказывания становится активность-инактивность [см. также 9]. М. М. Гухман раскрывает механизм столь типичной супплетивности личных местоимений: за ним стоит ментальная несовместимость сочетать в качестве форм одного слова категории агенса и пациенса (с. 206). Средний род, обозначающий неживое, сохраняет поэтому неразличение по форме субъекта и объекта. Древняя модель оппозиции: *Casus Indefinitus* — емкий по своему содержанию родительный падеж предшествует созданию специального падежа, коммуникативного центра. Им становится *Nominativus*, не случайно сохраняющий во многих индоевропейских языках реликтовое совпадение с *Genitivus*. Именительный падеж добавляет топикализирующий демонстратив: *-s* (см. об этом написанную еще в 1901 г. работу Х. К. Уленбека [10, с. 101]). М. М. Гухман говорит о расщеплении *Casus Indefinitus*, о более позднем добавлении *-t* и возникновении падежа объекта. Оуществляется переход к становлению категории переходности — непереходности (данные процессы не характеризуют, разумеется, языки эргативного строя). Это выражается в утверждении номинативного падежа при переходных и непереходных глаголах. Дальнейший шаг — подключение неодушевленного агенса, т. е. грамматикализация именительного падежа; на этапе, уже в книге не прослеживаемом, понятие субъекта соотносится с грамматическим подлежащим, а далее возникают «пустые» подлежащие: франц. *il*, нем. *es*, англ. *it*. Естественно, что позднейшей на этом пути является становящаяся категория пассива: «Пассив является вторичной формой, синтаксически производной от актива. Он может существовать только как трансформация актива и без актива немислим, тогда как актив в качестве первичной формы возможен и без пассива» [6, с. 71]. Описанная и де-

тально разработанная в книге М. М. Гухман система грамматических преобразований действительно охватывает основные компоненты исторической направленности языкового развития. В отличие от намеченной цикличности в преобразовании формальных структурных типов (гл. III), М. М. Гухман считает описанные процессы однонаправленными, хотя, конечно, и эргативные языки структурно очень разнообразны и подвержены историческим модификациям.

В целом в книге прослеживается двуплановость языковой эволюции, несомненное падение ее темпов, разнообразие реализаций. Представляется, что плодотворная идея диахронических констант выявит новые факты, подкрепляющие изложенную теорию на материале, возможно, других языковых групп и других языковых уровней.

Николаева Т. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
2. Зализняк А. А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта. — В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
3. Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском. — В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
4. Зубкова Л. Г. Сегментная организация слова. М., 1977.
5. Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции. — ВЯ, 1984, № 3.
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
7. Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
9. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Активная типология языка и происхождение праиндоевропейских местоимений и глагольных парадигм. — ИАН СЛЯ, 1982, № 1.
10. Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Мирчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода. — М.: Наука, 1983. 232 с.

Трудно найти, на наш взгляд, в истории лингвистической науки такую отрасль знаний, которая испытала бы в своем развитии столько взлетов и падений, беспредельного энтузиазма и воинствующего скептицизма, как инженерная лингвистика. Вместе со становлением инженерной лингвистики получала конкретные формы основная ее идея — идея машинного перевода, превращаясь из утопии, яркой мечты в научный феномен, для постижения которого были найдены реальные пути и возможности.

Интерес к теоретическим и практическим исследованиям по машинному переводу (МП) в настоящее время объясняется целым рядом причин, наиболее существенными из которых являются новые достижения в области МП как в СССР, так и за его пределами, возрастающий спрос на быстрое и массовое (промышленное) переводческое обслуживание специалистов различных отраслей знаний, а также потребности международного сотрудничества по использованию ЭВМ в информационной практике [1]. В настоящее